DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.022
УДК 80(09) + 070.3 + 821.161.1 + 7.072.3

Т. В. Левченко
НИУ ВШЭ
Москва, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ ЖУРНАЛОВ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК» И «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА Ф. ЛЕВИНА

В 1933–1941 гг. критик Федор Маркович Левин (1901–1972) оказался в центре литературно-политических событий, связанных с организацией и работой издательства «Советский писатель» (первый директор и главный редактор), а также журналов «Литературный критик» (зам. главного редактора) и «Литературное обозрение» (главный редактор). Эти журналы были неординарным явлением не только благодаря высокому художественному уровню публикаций. Их создавал коллектив единомышленников, для которых главными критериями профессионализма и необходимыми составляющими творчества считались свое мнение, свой голос, свой стиль. Читателю предлагалось не навязывание партийных директив, а вовлечение в обсуждение, в творческий спор. Работа в этих изданиях определила всю дальнейшую судьбу Ф. М. Левина. В это время сформировалась его гражданская и творческая позиции — приоритет свободы творчества над жесткими идеологическими установками. Неизвестные ранее материалы архива Левина и материалы его партийного дела периода «кампании борьбы с космополитизмом и антипатриотизмом» позволяют восстановить этот этап жизни критика, полнее представить историю создания издательства, проблемы первого года его существования, проследить взаимосвязь работы Ф. Левина в издательстве и журналах, реконструировать историю взаимоотношений А. Ахматовой и А. Платонова с этими институтами и самим критиком.

Ключевые слова: Ф. Левин; издательство «Советский писатель»; журнал «Литературный критик»; журнал «Литературное обозрение»; М. Розенталь; А. Платонов; А. Ахматова.

В 1973 г. издательство «Советский писатель» выпустило книгу Федора Марковича Левина «Из глубин памяти». Она была построена в виде коротких, литературных портретов А. Платонова, Б. Пастернака, И. Бабеля, Ю. Тынянова, Ю. Олеши, Э. Багрицкого, Н. Асеева и многих других известных писателей, литературоведов, режиссеров. Несмотря на небольшой объем, каждая история изобиловала деталями и подробностями литературной жизни 20–60-х гг. XX в. Предисловия у книги не было, как и дат жизни и смерти автора, лишь коротенькая аннотация, начинающаяся словами: «Жизнь недавно скончавшегося литературоведа и критика, старого коммуниста Федора Марковича Левина была богата событиями, встречами, знакомствами». За этой строкой для знавших

Федора Левина (1901–1972) людей стояла его трагическая судьба¹. Он регулярно оказывался в центре острых полемик и важных, а порой драматических литературно-политических событий: создание издательства «Советский писатель», работа в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение», полемика с А. Макаренко. Критик был включен в список «космополитов-антипатриотов», исключался из партии и Союза писателей, сидел по доносу в Беломорской тюрьме и лагере².

После XX съезда Левин отдал много сил, возвращая читателю А. Платонова, И. Бабеля, А. Воронского, Ю. Домбровского и ряд других гонимых или репрессированных при Сталине писателей. Независимостью Левина восхищались многие современники. Так, вспоминая критика, Г. Свирский в своей книге о литературе нравственного сопротивления в СССР подчеркнет, что Левин «никогда не боялся литературных сановников. Даже самых опасных завсегдатаев Лубянки» [Свирский, с. 227]. Левин был убежденным антисталинистом еще до развенчания культа личности, но при этом оставался человеком коммунистических убеждений. Такие взгляды не были уникальными для людей его поколения. В 1990-е гг. близкий друг Левина, известный литературовед Е. Г. Эткинд, найдет точные слова, определяющие суть коммунистических убеждений Левина:

Таких, как Левин, в 37–38 годах «репрессировали» непременно; он был коммунистом с 1920 года, учился в Институте Красной профессуры, никогда не сомневался в истинности не только марксистского учения, но и ленинизма. В годы «большого террора» этого было достаточно, чтобы загнать в лагерь или даже получить «вышку». <...> Сегодня, в 1994 году, такая позиция может показаться нелепой, недостойной умного и честного человека. Поколение Ф. М. Левина смотрело на жизнь иначе: преданность доктрине абстрактного социализма — вопреки злокозненным и даже чудовищным искажениям ее — была для них делом чести. В дни хрущевской оттепели Левина восстановили в партии, и он, уже зная многое о ее преступлениях и злодеяниях, воспринял это как победу исторической справедливости. Разве не так же восприняли явление Хрущева, его доклад на двадцатом съезде партии, его поддержку Солженицына, его распоряжение — опубликовать в «Известиях» поэму Твардовского «Теркин на том свете» лучшие люди левинского поколения, да и более молодые, как Твардовский? [Эткинд, с. 364–365].

Для Левина его коммунистические идеалы были равнозначны его честному имени. В 1999 г. философ А. А. Зиновьев назовет людей того поколения «романтическими или идеалистическими коммунистами» [Зиновьев, с. 50–51]. Но определение Зиновьева верно лишь отчасти для поколения молодых людей,

¹ Многие эпизоды жизни Ф. Левина были описаны его современниками [Эткинд, с. 364–371; Свирский, с. 227–244; Дьяконов, с. 567–568, 634 и др.]. Но точные биографические публикации стали возможны только после открытия архива Левина в 2014 г. [Левченко, 2015б].

² В начале 1942 г., работая в редакции фронтовой газеты Карельского фронта, Левин по доносу четырех писателей (А. Коваленкова, Ф. Ваграмова, В. Гольцева, В. Курочкина) был арестован, осужден и отправлен в Беломорский лагерь. Благодаря принципиальной позиции следователя, не согласившегося с решением суда, приговор был пересмотрен в Москве и Левин вышел на свободу [Левченко, 2015а, с. 115].

сделавших свой выбор в годы революции и Гражданской войны. Для них в пережитых потрясениях, голоде, смертях, которые они видели, не было никакой романтики, но идеалы равенства, братства, вера в светлое будущее для всех были тем, за что стоило бороться и умирать. Они были идеалистами-коммунистами.

В 1930-е гг. подобные идеалисты были активными участниками литературного процесса. Открытый в 2014 г. архив Ф. М. Левина позволяет по-новому взглянуть на работу издательства «Советский писатель» и журналов «Литературный критик» и «Литературное обозрение».

В дневнике Левина 1961 г. есть запись:

Владимир Федорович Огнев³ был в Крыму на отдыхе, беседовал там с С. Маршак-ком. Маршак заговорил о критике, говорил о ее слабости, назвал четыре-пять хороших критиков, в том числе меня. Отзывался с большой похвалой, говорил об отличном вкусе, понимании литературы. Но, сказал, мало пишет. «Запугали». Эх, не в этом дело, никто меня не запугал, а вернее другое. Несколько лет мне просто нельзя было печататься. Да и теперь трудно. Статью правят, сокращают. <...> 24.07.1961 [Архив Левина].

Трудности подобного рода критик испытывал до конца жизни. Даже очерки и рассказы сборника «Из глубин памяти» подверглись цензурной правке, а значительную его часть составляют неопубликованные рукописи 1958–1972 гг. Некоторые тексты предназначались для публикации, но были отвергнуты: первый вариант монографии о Бабеле, статьи о В. Гроссмане, Ю. Юзовском и т. д. Другие тексты писались изначально «в стол». Центральное место среди последних занимает рукопись книги «История моего космополитизма» (1958). Несмотря на то, что она посвящена кампании по борьбе с безродными космополитами 1947–1953 гг., книга включает в себя историю ареста критика, его пребывания в лагере в 1942 г., эпизоды 1933–1940 гг., связанные с работой в «Литкритике», «Литобозрении», издательстве «Советский писатель». Левин вел отсчет начала кампании с постановлений 1946 г., а заканчивал 1958 г. — самоубийством И. Макарьева. В 1958 г. Левин уже видел корни и взаимосвязи происходившего. Д. Сегал замечает:

Все те, кто так или иначе фигурировал в партийных постановлениях, докладных записках или доносах в 1940 году, попадут под увеличительное стекло партийных надзирателей. Многие из них позднее станут героями новых, еще более тяжелых преследований. Такими были Анна Ахматова, Андрей Платонов, критик Федор Левин и даже венгерский коммунист-эмигрант Георг Лукач. Более того, идеологические прегрешения и «преступления», которые вменялись Ахматовой и критикам из группы «Л<итературного>К<ритика>», были потом в тех же самых формулировках вытасканы на белый свет во время кампании 1946 года и позднейшей борьбы против «космополитизма» [Сегал, с. 201].

³ В. Ф. Огнев (1923–2017) — литературный критик.

26 ноября 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О литературной критике и библиографии», уничтожавшее секцию критики Союза писателей, журнал «Литературный критик» и передававшее критико-библиографический журнал «Литературное обозрение» в ведение ИМЛИ им. Горького. Фактически это был тройной удар по одним и тем же людям: в бюро секции критики входили и Марк Розенталь — главный редактор «Литературного критика», и Федор Левин — главный редактор «Литературного обозрения» и зам. редактора «Литературного критика»⁴.

Процесс ликвидации запустила докладная записка от 10 февраля 1940 г. секретарей ССП СССР А. А. Фадеева и В. Я. Кирпотина Секретарям ЦК ВКП(б) Сталину, Молотову, Жданову, Андрееву, Маленкову «Об антипартийной группировке в советской критике». Среди фрагментов, отмеченных Сталиным, был в том числе следующий:

Несколько лиц, организованных как группа, составляющих меньшинство критиков, оказались в исключительно привилегированном положении в области критики. В их руках всецело находятся «Литературный Критик», единственный литературоведческий и специальный критический журнал на русском языке в СССР, «Литературное Обозрение», единственный библиографический литературный журнал. <...> Руководящими лицами в группе являются Г. Лукач, Мих. Лифшиц, Е. Усиевич. <...> В группу входят В. Кеменов, Гриб, Сац, М. Розенталь (редактор «Литературного Критика»), Ф. Левин (зам. редактора «Литературного Критика» и редактор «Лит<ературного> Обозрения»), В. Александров, Андрей Платонов, автор литературного пасквиля на колхозное движение «Впрок». <...> Зам. редактора «Литературного Критика» и редактор «Литературного Обозрения» Ф. Левин сам заявил на публичном собрании, что журналы, в которых он работает, представляют собой «идейное течение». Уж одно то, что два государственных журнала стали групповыми органами, органами какого-то «течения», является вопиющим безобразием. Однако дело не кончается этим. По логике группового существования члены группы накопили много ошибок, вредных теорий, на которых они настаивают, которые они активно защищают, которые стали их линией... [цит. по: Кирпотин, с. 423].

Уничтожаемые журналы «Литературный критик» и «Литературное обозрение» были, несомненно, неординарным явлением среди прочих институций того времени, связанных с литературой.

Характеризуя работу журнала, В. Кардин отмечает:

В наши дни трудно вообразить редакцию журнала, подобную той, что выпускала «Литкритик». Там собрались самые лучшие перья. <...> Многих деятельных авторов «Литературного критика» ждали разочарования, тяжкие испытания, травля. Но тогда, в тридцатые, их души переполняли энергия, вера в собственную правоту, в свою

⁴ Разгром журналов начался в 1939 г. Было нанесено несколько ударов: донос критика В. Ерилова Жданову и Фадееву, в письме которому сказано: «Даже у таких людей, как В. Катаев, Е. Петров, не говоря уже о Рыкачеве, Мунблите, Усиевич, Ф. Левине — имеется нечто вроде культа Платонова. Благоговееют перед ним...» [цит. по: Малыгина, 2001, с. 236]; полемика вокруг книги Г. Лукача «К истории реализма» (1939); полемика вокруг статьи Ф. Левина «Четвертая повесть Макаренко» («Литкритик», 1938, № 12, с. 138–154).

миссию, в великую силу подлинного искусства. <...> Оставаясь на все более крепнущих позициях реализма, еще не снабженного определением «социалистический», «Литературный критик» умел, как правило, отличать догматизм, сковывающий творчество, от подлинного художества, пусть и не свободного от индивидуальных пристрастий творца. Журнал ценил талант авторов, не значившихся среди официальных фаворитов. По тем временам это было не так мало и не так безобидно, как может показаться сейчас, когда прошлое не только затянато дымкой времени, но подчас умышленно либо по легкомыслию его лишают каких-то особенностей, знаменательных фигур, не вписывающихся в удобную схему [Кардин].

Журналы отличал не только высокий художественный уровень: возникшие как проводники партийной идеологии в советской критике и оценке литературы⁵, они оказались честнее, свободнее прочих идеологических институтов того периода. Людей, собравшихся в редакциях этих журналов, объединяло общее прошлое, взаимное уважение, дружеские отношения [Левин, с. 141–152], принадлежность к поколению идеалистов-коммунистов и то, что было названо партийно-писательскими функционерами «идейным течением».

Обвинение в пропаганде индивидуальности и необходимости собственного мнения было предъявлено Левину и в 1949 г. во время кампании по борьбе с космополитизмом. Его выдвинула парторганизация Союза писателей, от имени которой выступил Л. Ошанин:

Ф. Левин на протяжении большого количества листов стенограммы говорит, что «критик — это прежде всего индивидуалист, критик должен что-то защищать и что-то отстаивать, он должен что-то любить и чего-то желать», но нигде он не говорит о партийной роли критика. Но зато он очень упорно и много говорит об этих индивидуальностях⁶ [ЦГАМ, ф. 8131, оп. 1, д. 21, л. 94].

Критик А. Тарасенков, активно выступавший против журналов «Литкритик» и «Литобозрение» в 1939 г., подчеркнул:

Ф. М. Левин на протяжении очень многих лет был в группе журнала «Литературный критик». Эта группа, во главе которой стояли Гриб, Лифшиц и ряд других критиков и теоретиков, которые из года в год на страницах журнала развивали

⁵ Журнал «Литературный критик» был создан в 1933 г. как орган Оргкомитета Союза писателей. Первым главным редактором «Литкритика» до 1937 г. был П. Ф. Юдин (1899–1968) — философ, дипломат, партийный функционер. С 1936 г. при журнале стал издаваться литературно-критический двухнедельник «Литературное обозрение».

⁶ «Если мы обратимся к лучшим критикам, которые имеют ярко выраженное лицо, свой стиль, свои взгляды, то их стиль можно узнать без подписи, например, Юзовского. У него свой стиль, своя система взглядов, свои излюбленные мысли, свой подход к театру, я не говорю о манере выражения, изяществе фраз...»; «Критика это конечно индивидуальность критика, его излюбленные им идеи. Он за что-то борется в литературе, искусстве, отстаивает какую-то точку зрения, свои представления, а не то, что известно сидящим слева, справа, всем» [ЦГАМ, ф. 8131, оп. 1, д. 28, л. 102–103]. Эти и другие высказывания Левина были взяты Ошаниным из стенограмм совещаний в Союзе, стенограмм редсовета «Советский писатель», рецензий Левина и его выступлений.

теорию, что нет бога кроме Гегеля и Вельфлин⁷ пророк его. Они поносили советскую литературу из номера в номер, пытались говорить о ней в уничижительных тонах, примеряли каждого советского писателя к Бальзаку. Я напомним решение ЦК ВКП(б) о закрытии журнала «Литературный критик», где было четко и ясно сказано, что «Литературный критик» закрывается за противопоставление всей его линии линии советской литературы. <...> Левин органически принадлежал к этой группе. Он был не только постоянным сотрудником, но входил в головку этого журнала [ЦГАМ, ф. 8131, оп. 1, д. 21, л. 125–125].

Д. Сегал справедливо замечает:

В случае «Л<итературного>К<ритика>» инициатива Фадеева и Кирпотина была поддержана руководством партии не в полном объеме. В тексте постановления Оргбюро мы не находим ни одного из тех тяжелых политических обвинений, которыми пестрит докладная записка («буржуазный идеалист», «буржуазно-либеральная ревизия марксизма», «преклонение перед предрассудками», «антипартийная группировка в литературе» и т. д., и т. п.). Ни один из критиков, поименованных в докладной записке, не был раскритикован в постановлении. Более того, даже Андрей Платонов, названный в докладной записке «автором литературного пасквиля на колхозное движение», никак в постановлении не упомянут. Трудно сейчас понять подлинные причины подобной «воздержанности». Запомним следующее: ни один из «героев», названных в доносе, не был репрессирован. Это значительное изменение политики по сравнению с годами Большого Террора... [Сегал, с. 201].

Действительно, до физического уничтожения не дошло. Но на протяжении ряда лет целенаправленно происходила та самая безжалостная психологическая ломка и Андрея Платонова, и Федора Левина, и других критиков журнала. Репрессивное воздействие было направлено не только на них самих, но на их семьи, близких людей, друзей.

Так, у Андрея Платонова в 1938 г. был арестован и отправлен в лагерь пятнадцатилетний сын Платон. Мальчика выпустили только в конце октября 1940 г. и через три года он умер. Потрясенный Платонов скажет:

Смерть сына открыла мне глаза на мою жизнь. Что она теперь, моя жизнь? Для чего и для кого мне жить. Советская власть отняла у меня сына — советская власть упорно хотела многие годы отнять у меня и звание писателя. Но моего творчества никто у меня не отнимет. Они-то и теперь-то печатают меня, скрепя зубами. Но я человек упорный. Страдания меня только закаляют [цит. по: Малыгина, 2015].

Проза Платонова с конца 1920-х гг. постоянно подвергалась жесточайшей критике, не публиковалась, а в 1939 г. были уничтожены две книги — тираж «Размышлений читателя» и рукопись книги о Н. Островском [Платонов, 2011, с. 667–670].

⁷ Вельфлин Генрих (1864–1945) — швейцарский писатель, историк, искусствовед, теоретик формального метода исследования.

В неопубликованной «Автобиографии» (1966) Левина есть запись:

Годы 1933–1941 прожил я в неустанной работе. И личная и общественная жизнь складывались сложно и из чаши бытия довелось пить и горькое и сладкое. <...> 1937 унес немало людей, с которыми работал, которых знал, которым верил. Репрессии, коим подверглись они, отозвались и на мне (особенно арест младшего брата, впоследствии посмертно реабилитированного), но административная и прочая карьера никогда меня не волновала, страшнее были глубокие недоумения, возникшие, хоть и не сразу, тягостные раздумья о том, что происходит в стране. Я сам себе не разрешал догадываться о несправедливости репрессий и их причинах, и состояние мое можно было бы определить, если бы я был верующий, словами: «Верую, господи, помоги моему неверию». Я все чаще стал выступать с рецензиями, критическими статьями, несмотря на обилие организаторской, издательской, редакторской работы и общественных обязанностей. Но на собрания ходил с душевной болью: что еще услышу, кто еще из людей, мне известных, будет объявлен «врагом народа» [Архив Левина].

Эта короткая запись зафиксировала момент расхождения идеалов критика и практики партийной идеологии, его неприятие пути партийно-литературного функционера⁸. Однако новые факты биографии критика позволяют утверждать, что ощущение творческой неудовлетворенности от необходимости следования директивным установкам наступило у Федора Левина гораздо раньше.

Левин пришел в профессиональную литературу уже в зрелом возрасте. В самом начале 1920-х гг. петербуржец с гимназическим образованием, вернувшийся с Гражданской войны, начинающий поэт⁹, счел занятие политической экономией и партийной оргработой более важным делом.

Партийная работа поглощала все время, все силы, все мысли и чувства, ни на что другое меня не хватало. Я писал мало. В 1928 году Крымиздат выпустил сборник моих стихов «В буре дней». Изредка принимал я участие в работе местных литературных организаций. Долгое время сама мысль о том, чтобы целиком отдаться влечению к литературе, казалась мне еретической, я думал, что это невольительная роскошь. Но в 1930 году я решился поступать в Институт Красной профессуры, где не так давно открылся литературный институт. <...> Я кончил Институт в 1933 году, уже после стал главным редактором издательства «Советская литература»¹⁰, а в 1934 году организовывал издательство «Советский писатель», образованное путем слияния Московского товарищества писателей и издательства писателей в Ленинграде. В новом издательстве, существующем до нынешнего дня, я был и директором и вместе главным редактором. В 1934 году я стал членом союза писателей и до сих пор храню тогдашний членский билет с факсимиле Горького [Архив Левина].

⁸ Такой путь избрал А. Фадеев. Левин будет много размышлять о его выборе, о его судьбе в дневниках, записках, в книге [Левченко, 2015б, с. 113–114].

⁹ О юношеских литературных опытах Левина см. «Петроград 1922–1924» [Левин, с. 189–242].

¹⁰ Издательство «Советская литература» оргкомитета I Съезда советских писателей было создано в 1933 г. на базе издательства «Федерация».

Упоминание об этом факте истории «Советского писателя» встречается редко. Издательство уже при жизни Левина стало замалчивать фамилию своего создателя и многолетнего редактора¹¹ [Левченко, 2015в, с. 31].

Левин стал автором «Литкритика» (а затем «Литобозрения») с первых же номеров журнала в 1933 г., но постоянная работа в редакции началась в 1937 г. Как это произошло, критик описал в одном из неопубликованных очерков. В конце 1936 г. он, по «настоятельной рекомендации» В. Ставского, возглавившего в тот момент Союз писателей, вошел в редколлегию «Литературной газеты», но вскоре оказался под следствием. «В 1937 году Л. Субоцкий (главный редактор. — Т. Л.) был арестован, из меня и Плиско некоторое время пили кровь, сняли нас с работы в «Лит.<ературной> газете» и поставили вопрос о пребывании в партии» [Архив Левина]. Левину и Плиско ставили в вину отказ (!) разоблачить врага (Субоцкого) и вредительство в газете и то, что они недостаточно жестко искали и раскрывали врагов среди писателей в своих статьях.

Я поехал в «Лит. газету», передал дела назначенному вместо меня И. Френкелю и отправился домой. Настроение было убийственное, я просто не знал, что буду дальше жить, кормить завтра семью. О худшем не думал ни тогда, не после. Потянулись месяцы. Надо сказать, что Валя (В. И. Журавлева, жена критика. — Т. Л.) очень мужественно встретила меня, когда я пришел тогда взволнованный и растерянный. Но все же в 1937 г., в конце, люди не так боялись, как впоследствии. Я пошел к М. Розенталю в «Лит. критик», рассказал в чем дело, спросил, будет ли он меня печатать, он ответил: — Конечно! — тут же дал мне книгу на рецензию. То же самое — Л. Скорино в «Октябре» (она согласовала заказ с Ф. Панферовым и тот согласился) и я стал писать и печататься¹² [Архив Левина].

О периоде с июля 1934 по июль 1935 г. — первом годе работы новой институции Союза писателей и годе жизни самого Левина — до последнего времени можно было судить по отдельным фрагментам, разбросанным по страницам «Из глубин памяти», косвенным свидетельствам, упоминаниям. Однако и они позволяют увидеть, что за год руководства, литературного и административного, он создал издательство и осуществил множество интересных проектов. Новые материалы свидетельствуют о том, что Левин уже в это время, в обстановке поиска врагов, сохранял свое независимое мнение.

Первые книги нового издательства были напечатаны уже к ноябрю 1934 г. Судя по «Библиографии издательства «Советский писатель» за 1934–1982 гг.» Б. Шиперовича, среди новинок книг 1934–1935 гг. были «Второе рождение» и «Грузинские лирики» Б. Пастернака, «Затянувшаяся развязка» и «Не перевода

¹¹ После 1935 г. Левин продолжал сотрудничать с «Советским писателем» (за исключением времени антикосмополитической кампании). Но в 1960–1961 гг. Левин встал на защиту от партийной цензуры и главного редактора издательства Лесючевского второй части книги «Линия фронта на Востоке» А. Громовой, редактором которой он был. Писательницу обвиняли в очернении и искажении исторической правды, требовали переписать текст. По указанию Агитпропа вторая часть не была напечатана, а Левин в знак несогласия ушел из издательства.

¹² Дело тянулось несколько месяцев, но «наступил временный отлив», и дело было прекращено.

дыхания» И. Эренбурга, «Голубая книга» М. Зощенко, фантастические новеллы А. Грина, книги М. Зюева, М. Козакова, А. Зорича, стихи Каменского, Кирсанова, Асеева и др. [Шиперович, с. 5–11]. Не вошли в эту библиографию книги, которые, несмотря на подписанный договор, не увидели свет.

В 1935 г. в «Советском писателе» была выпущена тиражом 8 200 экземпляров книга «Литораторы. Шаржи: Кукрыниксы. Эпиграммы: Архангельского, Безыменского, Швецова». Эта книга была «репрессирована» вместе с ее героями Н. Бухариным, К. Радеком, И. Бабелем.

Снятие Бухарина с поста главного редактора «Известий» в августе 1936 г., а затем арест в январе 1937 г. привели к многократным «чисткам» в редакции газеты. Но подобные «чистки» начались в учреждениях Ленинграда и Москвы, в том числе в издательствах, еще раньше. В. Роговин писал:

17 января 1935 года, на следующий день после завершения процесса «Московского центра», Сталин разослал членам Политбюро составленный им лично текст закрытого письма ЦК ко всем партийным организациям «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». <...> Переводя эту установку на практический язык, Сталин 26 января подписал принятое опросом постановление Политбюро о высылке на 3–4 года из Ленинграда на север Сибири и в Якутию 663 «зиновьевцев». По этому же решению другая группа бывших оппозиционеров в количестве 325 человек была отправлена из Ленинграда на работу в другие районы. <...> Как сообщал «Бюллетень оппозиции» в статье «Новые расправы с “троцкистами”», «все, кто хоть как-нибудь и когда-нибудь имел отношение к оппозиции — давно отошедшие, близкие, родственники оппозиционеров, воздержавшиеся когда-нибудь в каком-нибудь голосовании, — сотнями и сотнями были арестованы и высланы, часто близко к поллярному кругу» [Роговин, с. 99–101].

Эта кампания затронула Ф. Левина и профессионально, и лично. В феврале 1935 г. его брат А. Левин вместе с семьей был выслан из Ленинграда в Казахстан, как «примыкавший к зиновьевской оппозиции» в 1925 г., а спустя полгода «10 октября 1935 г. арестован НКВД Казахской ССР за антисоветскую деятельность и 15 марта 1936 г. осужден Особым совещанием при НКВД СССР на 3 года лишения свободы. Вторично Александр Левин тройкой УНКВД по Дальстрою был осужден 5 мая 1938 года за антисоветскую деятельность к ВМН»¹³ [РГАСПИ, ф. 589, оп. 3, д. 6409, л. 136].

Об обстановке в «Советском писателе» можно судить по стенограмме партсобрания 9 марта 1949 г. в Союзе писателей:

Ф. Березовский¹⁴: Товарищи, я собственно хотел дать несколько справок по поводу того, что говорил здесь Левин. <...> «Советский писатель» создавался на базе

¹³ А. Левина расстреляли в период печально известной «гаранинщины». Ф. Левин никогда не скрывал ни высылку, ни арест брата и в самые трудные для себя годы космополитизма поддерживал и содержал семью репрессированного, а в 1956 г. добился его реабилитации.

¹⁴ Березовский Феоктист (1877–1952) — прозаик, революционер, партийный деятель. С 1934 г. председатель Ревизионной комиссии СП СССР. В мемуарах Левина говорится, что по доносам этого человека в 1937 г. было посажено много писателей.

нескольких издательств — Товарищества писателей, «Недра» и «Федерация». Я в это время был членом правления издательства «Советский писатель» и всю эту историю прекрасно помню. Позвольте мне сказать совершенно ответственно, что аппарат подбирал себе Федор Левин и когда мы ему <у>казывали, что этот неподходящий, а этот подходящий, он решительно отметал наши советы и заявлял: «Мне работать с ними и я буду подбирать аппарат». В частности там была троцкистка Козловская¹⁵, троцкист Фишелев¹⁶ <...>. Мы решительно отметали эти кандидатуры и указывали Левину, что это известные троцкисты. Мы рекомендовали Левину хороших работников — один из них был секретарем редакции «Недра». Федор Левин отмет эти кандидатуры и решительно настоял на принятии Козловской и Фишелева. Мы долго боролись за этих двух людей. Козловская была всем известной троцкисткой. Мы Левину указывали на это. Партгруппа издательства потребовала от Левина, чтобы он уволил ее, потому что она делает черное, не наше дело. Она была зав. редакцией. Несмотря на это решительное требование, он ее держал полгода в аппарате и в конце дал двухмесячный отпуск и пособие на курорт. Фишелева он уволил тогда, когда стало известно, что содержал у себя на квартире подпольную троцкистскую типографию. Мы боролись против его пребывания 2,5 месяца и Левин все-таки не увольнял его. <...> Не знаю, с какой формулировкой, но Левин из издательства «Советский писатель» был снят. Потом он был редактором «Литературной газеты», где допустил много политических ошибок и также был снят. Не помню с какой формулировкой, но на партбюро правления Союза писателей решили единогласно снять его и Плиско. Я присматриваюсь к литературной деятельности Левина в течение 15-ти лет, для меня он никогда не был партийным критиком. <...>

Л е в и н: Т. Березовский многое напутал. Никакого издательства «Недра» там не было. Было издательство «Советский литератор» и <М>(Н)ТП. Последнее было ликвидировано, это плохое издательство, естественно, я подбирал аппарат из «Советского <литератора> писателя». Аппарат оказался засоренным, люди были уволены, но я немного помедлил с их увольнением. За это мне даже не на вид поставили, а, как я сейчас вспомнил, указали. И, кроме того, из издательства я не был снят, а был взят на работу в ЦК партии¹⁷ лично тов. Щербаковым и с ним там работал [ЦГАМ, ф. 8131, оп. 1, д. 21, л. 141–142, 147].

Эти открывшиеся обстоятельства проливают свет на вероятную причину незавершения ряда договоров издательства, которые заключал Ф. Левин. Одним из таких договоров был договор с Анной Ахматовой. Как писала Анна Андреевна Ахматова в своих записных книжках в 1960-е гг.: «Между 1925–1939 меня перестали печатать совершенно. (См. критику, начиная с Лелевича 1922–33). Тогда я впервые присутствовала при своей гражданской смерти. Мне было

¹⁵ Козловская Янина Мечиславовна (1901–1970) — дочь М. Ю. Козловского, видного участника социал-демократического движения. В 1920-е гг. работала в газете «Беднота». Арестована в августе 1936 г., приговорена к 10 годам ИТЛ. Реабилитирована в 1956 г.

¹⁶ Фишелев Михаил Семенович (1888–1937) — член Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, линотипист, чернорабочий артели. Был директором образцовой типографии в Москве, которая нелегально напечатала платформу оппозиции в 1927 г. В 1928 г. осужден за «троцкизм» на 3 года высылки, в 1937 г. приговорен к высшей мере наказания.

¹⁷ В отделе Культпросветработы ЦК Левин проработал меньше года — до вынесения приговора брату в 1936 г.

35 лет» [Ахматова, 1996, с. 28]. Одна из попыток опубликоваться в тот период была предпринята поэтом в 1927 г., но «уже готовый двухтомник издательства Гессена (“Петроград”) был уничтожен...» [Ахматова, 1991, с. 257]. Второй попыткой стал договор от 21 апреля 1935 г. с издательством «Советский писатель» на книгу «Избранные стихотворения». В записных книжках Ахматовой есть запись: «Двухтомное собрание стих<отворений>. 1935 (?). Договор с Федором Левиным. “Сов<етский> пис<атель>”. Москва. Рукопись возвращена» [Ахматова, 1996, с. 29].

В дневнике К. Чуковского есть запись от 12 мая 1935 г.:

Вчера были у меня Харджиев и Ахматова. Анна Андреевна рассказывает, что она продала в «Советскую литературу» избранные свои стихи, причем у нее потребовали, чтобы: 1. Не было мистицизма. 2. Не было пессимизма. 3. Не было политики. «Остался один блуд», — говорит она [Чуковский, с. 569].

В воспоминаниях Л. Я. Гинзбург также есть упоминание об этом договоре:

А. А. подписала с издательством договор на «Плохо избранные стихотворения», как она говорит. В издательстве ей, между прочим, сказали: «Поразительно. Здесь есть стихи девятьсот девятого года и двадцать восьмого — вы за это время совсем не изменились». Она ответила: «Если бы я не изменилась с девятьсот девятого года, вы не только не заключили бы со мной договор, но не слышали бы моей фамилии». <...> Попытка издательства привести сборник в quasi-цензурный вид — неудачна. Что за принцип — много Бога нельзя, а немножко сойдет? Ахматову следовало бы печатать откровенно, как печатают Жуковского и даже Блока. Для живого поэта это страшно, но она все равно поняла это и уже сказала Левиному: «Главное неудобство в том, что я еще не умерла, но это поправимо» [Черных, с. 286].

Как видно из записей Чуковского и Гинзбург, работа над сборником была морально тяжела для Ахматовой. Однако в обстановке замалчивания ее творчества вернуться к читателю было для нее важнее. Но и для Ф. Левина было важно попробовать вернуть «советскому читателю» поэта Анну Ахматову. В текстах Левина к настоящему времени найдены три фрагмента, связанные с именем А. Ахматовой. Два из них вплетены в очерки «Петроград 1922–1924» и «Таксер и Усиевич» книги «Из глубин памяти»¹⁸, третий — в текст «Истории моего космополитизма».

В очерк «Петроград 1922–1924» критик включил воспоминание о литературном вечере, проходившем в 1923 г. для студентов Петроградского Коммунистического Университета им. товарища Зиновьева, в числе которых он был¹⁹. «Иногда — очень редко — в клубе Комвуза устраивались литературные вечера».

¹⁸ Черновые рукописи этих фрагментов пока не обнаружены.

¹⁹ Студенты Университета им. Зиновьева готовились стать советскими и партийными управленцами и не имели никакого отношения к литературе, за исключением небольшой группы, организовавшей литературный кружок. Им руководил поэт — «космист» Алексей Крайский (1891–1941), входивший в литературные группы «Космист» и «Стройка». Некоторые члены кружка впоследствии стали литераторами — Ф. Левин, Г. Фиш, В. Саянов, Л. Борисов.

На одном из них вместе с М. Зощенко, Е. Замятиным, «Серapiоновыми братьями» — К. Фединым и М. Слонимским — выступала Анна Ахматова.

Строгая, в темном закрытом платье, она прочла несколько стихотворений, которые я уже знал по ее «Четкам» и «Белой стае». Большинству слушателей вечер не понравился. Мы тогда требовали только стихов и прозы о революции, о классовой борьбе. Все, что не было непосредственно этому посвящено, отвергалось. В этом духе я написал тогда отчет-статью об этом вечере, появившуюся в литературно-художественном двухнедельнике «Зори», где я уже успел поместить несколько стихотворений.

Об Анне Андреевне, помнится я написал, — и эта фраза мне тогда очень нравилась, — что годы революции прошли над нею, не задев даже ее великолепной прически.

Мог ли я понять тогда всю сложность пути Ахматовой и ее отношений с революционной эпохой?

Добавлю, что еще подростком, до революции, я знал многие стихи Ахматовой наизусть, восхищался ими («Сжала руки под темной вуалью», «Звенела музыка в саду», «Я пришла к поэту в гости»). Но в первые годы революции мною владел тот непримиримый ригоризм, который был характерен для моего поколения. Позже мне стало известно, что Маяковский, конечно, знавший и понимавший поэзию Ахматовой, боролся с ее влиянием. Выступая однажды, он в полемическом задоре спел на мотив «Ухря-купца»: «Слава тебе безысходная боль! Умер вчера сероглазый король». Вслед за Маяковским мы твердили: «Сегодня надо кастетом кроиться миру в черепе!» [Левин, с. 238].

В 1935 г. Левин уже начал понимать к чему привела подобная политика «кастет» и, несмотря на проходящие поиски врагов в издательстве, высылку брата, пытался осуществить издание.

В очерке «Таксер и Усиевич» есть непосредственное упоминание об этом:

В период «Литературного критика» Усиевич работала очень много. <...> Кроме деятелей «Литературного критика» я встречал у нее Демьяна Бедного, а однажды застал Анну Андреевну Ахматову, сборник избранных стихов которой я тут же предложил издать (я уже работал тогда в издательстве «Советский писатель»; издание удалось осуществить, хотя это было в то время нелегко) [Там же, с. 151].

Запись в «Истории моего космополитизма» позволяет понять, кто еще знал и поддержал Ф. Левина в его попытке издать А. Ахматову:

Позднее, когда я окончил ИКП, я вновь стал встречаться с Юдиным. Он был редактором журнала, где я печатался. Юдин, как и я, дружил с М. М. Розенталем (его замом по «Лит. критику») и связь какая-то шла через Розенталя. <...> Юдин ведал одно время отделом печати ЦК партии (1935–1937 гг. — Т. Л.). <...> С ним же говорил я <...> когда был директором издательства «Советский писатель», об издании избранных стихов Анны Ахматовой, и Юдин дал свое «добро» (только потом А. А. Жданов ополчился на это издание)... [Архив Левина].

Этот фрагмент текста рукописи «Истории моего космополитизма» дает основание утверждать, что именно Ф. Левин инициировал подготовку сборника. В книге «Анна Ахматова в 60-е годы» было высказано предположение, что

инициатором несостоявшегося двухтомника 1935 г. была Е. Усиевич [Тименчик, с. 71–72]. Вопрос, почему Левин, говоря о двухтомнике 1935 г., написал: «издание удалось осуществить, хотя это было в то время нелегко» и «только потом А. А. Жданов ополчился на это издание», явно имея в виду издание 1940 г., по-прежнему остается до конца не проясненным. Создается впечатление, что Левин считал издание 1940 г. исполнением обязательств 1935 г. Дочь критика Е. Левина написала в воспоминаниях, что ее отец очень дорожил сигнальным экземпляром (у него «не было никогда настоящего переплета: просто плотная сероватая бумага») сборника Ахматовой «Из шести книг». Именно о нем он как-то сказал дочери, что его удалось «в конце концов издать», «не сразу» и «с трудом» и, как запомнила Е. Левина, какую-то роль сыграл А. Щербаков²⁰. Судя по неопубликованному очерку Левина о Щербакове в 1934–1936 гг., тот, по-видимому, знал о готовящемся двухтомнике:

Я был тогда директором издательства «Советский писатель» и мне довелось два-три раза подробно рассказывать ему обо всем решительно. Не только о работе издательства, его планах, но и о писателях. У него возникало множество вопросов, ответы он выслушивал внимательнейшим образом... [Архив Левина].

Таким образом, в 1935 г. люди, связанные с журналом «Литкритик», оказались причастны к попытке напечатать стихи А. Ахматовой, но политическая обстановка в стране ухудшалась с каждым днем, приближалось время процесса «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 1936 г. В «Летописи жизни Ахматовой» по описаниям дат и событий 1935 г. можно проследить, как шли дела с изданием сборника [Черных, с. 285–291]. 10 мая на машинописный экземпляр сборника ставится штамп «Советского писателя», а 12 июля в письме О. Э. Мандельштаму Ахматова напишет: «С моей книжкой вышла какая-то задержка» [Неизданное письмо..., с. 186]. Это совпадает со временем, которое указывается в анкетах Левина как время прекращения работы в издательстве, по-видимому, связанного с неисполнением в срок указаний по «чистке» («мне даже не на вид поставили, а, как я сейчас вспомнил, указали» [ЦГАМ, ф. 8131, оп. 1, д. 21, л. 147]). У Щербакова он начнет работать спустя месяц в августе. В октябре за контрреволюционную деятельность были арестованы муж и сын Ахматовой. В октябре же в Казахстане был арестован брат Левина. Выпуск двухтомника не состоялся...

В 1940 г. журнал «Литературное обозрение» в № 14 среди прочих новинок объявил о выходе сборника: «Ахматова А. — Из шести книг. Стих-я. Л. “Сов. писатель”. стр. 328. Тираж 10 000. ц. 9.50». В № 15, который был сдан в производство 22 июля, должна была войти статья А. Платонова об этом сборнике и творчестве А. Ахматовой. Но статья не пошла в набор, а была сдана в архив

²⁰ Щербаков А. С. (1901–1945) — партийный и государственный деятель, в 1934 г. оргсекретарь СП при М. Горьком и куратор СП по линии ЦК, с 1935 г. по совместительству заведующий Отделом Культпросветработы ЦК. В 1940 г. Щербаков был членом ЦК.

журнала [РГАЛИ, ф. 615, оп. 1, д. 54]²¹. На рукописи есть следы немалых редакторских правок [Платонов, 2001, с. 737–738] и редакционная нумерация страниц [Платонов, 2011, с. 696], что свидетельствует о том, что статью пытались довести до публикации. Ведь Ф. Левину, главному редактору журнала, были близки взгляды Платонова, и он столь же «ценил поэта Ахматову за неповторимость ее прекрасных слов» [Там же, с. 462]. Неслучайно именно Ф. Левин первым напомнил о критическом наследии Платонова²² [Малыгина, 2005, с. 94–95].

Журналы «Литобозрение», в котором в 1940 г. в основном печатался Платонов, и «Литкритик» находились уже в тяжелом положении. В таком же положении находился и сам писатель. В это время его сын был возвращен из Норильского лагеря в Бутырскую тюрьму на следствие. Публикация статьи об Ахматовой не изменила бы судьбу журналов, участь которых была уже предрешена, но могла привести к иному результату следствия, и сын Платонова не вышел бы из тюрьмы. Так, по воспоминаниям дочери критика Е. Левиной, считал Ф. М. Левин.

Оценивая в наши дни деятельность членов редколлегии «Литобозрения» и «Литкритика», Б. Сарнов эмоционально заметит, что одной только поддержки ими Платонова достаточно, чтобы считать эти журналы неординарным явлением:

Все они были правоверные марксисты, истово верующие в основные заповеди так называемой марксистско-ленинской эстетики. <...> Чтобы понять, чем отличались названные критики, философы, литературоведы и искусствоведы от атаковавших и победивших их Фадеевых, Ермиловых и Кирпотиных, достаточно одного того, что они действительно «пригрели» и постоянно публиковали на страницах своего журнала Андрея Платонова. Из всех рекомендаций, какие я мог бы представить в их защиту, эта — лучшая [Сарнов, с. 831–832].

Характеризуя деятельность журналов, Д. Сегал подчеркивает:

Критические выступления «Литературного критика» вызвали на себя огонь партийных идеологов по целому ряду причин. Главными были общегуманистическая и, я бы сказал, ориентированная на духовное содержание направленность этой критики, критическая точка зрения, находящаяся, так сказать, вне, поверх пролетариата и, главное, его авангарда — коммунистической партии... Все это никак не означает, что критики «ЛК» сознательно избирали немарксистскую точку зрения. Это означает, впрочем, нечто гораздо более неприемлемое и опасное для партийных идеологов: стремление самостоятельно строить и оценивать эту марксистскую точку зрения

²¹ После Постановления 1940 г. журнал «Литобозрение» был передан в ИМЛИ им. Горького и у него, как пишет Левин, «появилось немало "нянек". Вышедшие номера стали обсуждаться на заседаниях отдела советской литературы этого института с участием "зарубежников". Неизвестно, как сложились бы дела дальше, но разразилась война» [Левин, с. 105]. Тем не менее, Левину, оставшемуся и. о. ответственного редактора, удавалось публиковать рецензии Платонова и в 1941 г. Заметим, что, как показала Н. М. Малыгина, начало сотрудничеству А. Платонова с двумя журналами положила публикация его пародии «Лепящий улыбку» именно в «Литературном обозрении» в 1936 г. (№ 18, с. 47–50) [Малыгина, 1989].

²² Это было сделано Левиным в предисловии первого после длительного перерыва сборника прозы писателя «Избранные рассказы» («Советский писатель», 1958, ред. Ф. Левин), издания которого критик добивался вместе с вдовой писателя М. А. Платоновой.

и (о, ужас!) умение оценивать с ее позиций всё то фальшивое и поддельное, что вызывает партийная идеология [Сегал, с. 197–198].

Такое право на самостоятельную оценку литературный критик Федор Левин отстаивал до последнего дня, а его идеалистическая вера в светлое будущее для всех оказалась тем стержнем, позволившим ему выдерживать литературно-политические погромы, которыми изобиловала его жизнь.

Источники

Архив Левина.

РГАЛИ. Ф. 615. Оп. 1. Д. 54.

РГАСПИ. Ф. 589 Оп. 3. Д. 6409.

ЦГАМ. Ф. 8131. Оп. 1. Д. 21, 28.

Исследования

Ахматова А. Автобиографическая проза // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. М. : Радуга, 1991.

Ахматова А. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М. ; Torino : Giulio Einaudi editore, 1996.

Дьяконов И. Книга воспоминаний. СПб. : Европейский университет в С.-Петербурге, 1995.

Зиновьев А. Русская трагедия. Гибель утопии. М. : Алгоритм, 2002.

Кардин В. А дела идут своим чередом // Электронный журнал «Лехаим». 2004. № 2. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/142/kardin.htm> (дата обращения: 18.08.2016).

Кирпотин В. Ровесник железного века. М. : Захаров, 2006.

Левин Ф. Из глубин памяти. М. : Советский писатель, 1973.

Левченко Т. В. Комиссар не возьмет // Наше наследие. 2015а. № 112. С. 115–117.

Левченко Т. В. Не стоит село на праведниках // Наше наследие. 2015б. № 115. С. 108–114.

Левченко Т. В. Несколько слов к рассказу Ф. Левина «Знакомство с Андрониковым» // Притяжение Андроникова. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Е. Н. Шелухина. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Университетская книга, 2015в. С. 31.

Малыгина Н. «Прогресс человечности» (Забытые рецензии Андрея Платонова в журналах «Литературный критик» и «Литературное обозрение») // Рус. литература. 1989. № 1. С. 184–192.

Малыгина Н. Полвека без Андрея Платонова // Знамя. 2001. № 7. С. 236–239.

Малыгина Н. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М. : Теис, 2005.

Малыгина Н. «Смерть сына открыла мне глаза...» // Наше наследие. 2015. № 113. С. 70–73. Незданное письмо А. Ахматовой О. Мандельштаму / [публ. Н. Струве] // Вестн. Русского Христианского Движения. 1975. № 116. С. 186.

Платонов А. Анна Ахматова // Анна Ахматова: pro et contra : антология / сост., вступ. ст., примеч. С. А. Коваленко. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. С. 733–738.

Платонов А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко, подгот. текста Н. В. Корниенко, Е. В. Антоновой. М. : Время, 2011.

Роговин В. З. Сталинский неонэп. М. : [б. и.], 1994.

Сарнов Б. Сталин и писатели, книга третья. М. : Эксмо, 2010.

Свицкий Г. На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946–1976 гг. М. : КРУК, 1998.

Сегал Д. Пути и вехи. Русское литературоведение в двадцатом веке. М. : Водолей, 2011.

Тименчик Р. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы : в 2 т. Иерусалим, М. : Гешарим. Мосты культуры, 2015. Т. 2.

Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой 1889–1966. М. : Индрик, 2008.

Чуковский К. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 12 : Дневник (1922–1935).

Шиперович Б. Издательство «Советский писатель». Библиография 1934–1984. М. : Советский писатель, 1985.

Эткинд Е. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб. : Академический проект, 2002.

Статья поступила в редакцию 16.10.2016

Левченко Татьяна Викторовна

кандидат физико-математических наук,
главный эксперт НИУ ВШЭ

Лаборатория изучения творчества
Ю. Любимова и режиссерского театра
XX–XXI вв.

НИУ «Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная,
24/4, к. 307

E-mail: tatlevchenko@mail.ru

Levchenko, Tatiana Viktorovna

PhD (Physics and Mathematics),
Leading Expert of National Research University
Higher School of Economics

Research Laboratory of Yu. Lyubimov's
Creative Work and the Director's Theater
of the 20th–21st Centuries

National Research University
Higher School of Economics
21/4, Staraya Basmannaya Str.,

105066 Moscow, Russia
Email: tatlevchenko@mail.ru

**LITERARY CRITICS OF THE *LITERATURNYI KRITIK*
AND *LITERATURNOYE OBOZRENIYE* JOURNALS
ACCORDING TO F. LEVIN'S ARCHIVES**

Between 1933 and 1941, critic Fyodor Markovich Levin (1901–1972) was at the center of literary and political events related to the establishment and work of the *Sovetsky Pisatel* [A Soviet Writer] publishing house (First Director and Editor-in-chief), as well as the *Literaturnyi Kritik* (Deputy editor) and *Literaturnoye Obozreniye* (Editor-in-chief) journals. These journals were an extraordinary phenomenon, and not only because of the high artistic quality of the publications. They were created by a team of associates who considered the critic's own style, voice, and opinion the main criteria of professionalism and necessary components of creativity. The reader was not imposed any party directives on, but got involved in the discussion and creative disputes. His work in the publishing house and the journals determined the fate of F. M. Levin. That period of time saw the formation of his civil and creative position as a priority of creative freedom over the rigorous ideological attitudes. Some previously unknown archival materials and Levin's personal documents from the CPSU's archive from the period of the 'campaign against cosmopolitanism and anti-patriotism' reconstruct this stage of Levin's life and shed new light on the establishment and work of the *Sovetsky Pisatel* publishing house, and the *Literaturnyi Kritik* and *Literaturnoye Obozreniye* journals along with new details of the relationship between the critic, the publishing house and the journals and Anna Akhmatova and Andrey Platonov.

Key words: Fyodor Levin; *Sovetsky Pisatel* publishing house; *Literaturnyi Kritik*; *Literaturnoye Obozreniye*; Mark Rosenthal; Anna Akhmatova; Andrey Platonov.

- Akhmatova, A. (1991). Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical Prose]. In A. Kheit, *Anna Akhmatova. Poeticheskoe stranstvie* [Poetic Journey]. Moscow: Raduga. (In Russian)
- Akhmatova, A. (1996). *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)* [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Moscow; Torino: Giulio Einaudi editore. (In Russian)
- Chernykh, V. (2008). *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi 1889–1966* [Anna Akhmatova: The Chronicle of Life and Creativity]. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Chukovsky, K. (2013). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] (Vols. 1–15). (Vol. 12 : Dnevnik (1922–1935) [The Diary (1922–1935)]). Moscow: Agentstvo FTM, Ltd. (In Russian)
- Dyakonov, I. (1995). *Kniga vospominanii* [A Book of Memories]. St Petersburg: European University at St Petersburg. (In Russian)
- Etkind, E. (2002). *Zapiski nezagovorshchika. Barselonskaya proza* [Nonconspirator's Notes. Barcelona Prose]. St Petersburg: Akademicheskii proekt. (In Russian)
- Kardin, V. (2004). A dela idut svoim cheredom [And Things Go on as Usual]. *Electronic magazine «Lekhaim»*, 2. Retrieved from <http://www.lechaim.ru/ARHIV/142/kardin.htm>. (In Russian)
- Kirpotin, V. (2006). *Rovesnik zheleznogo veka* [Iron Age's Coeval]. Moscow: Zakharov. (In Russian)
- Levchenko, T. V. (2015a). Komissar ne voz'met [Commissar Will not Take]. *Nashe nasledie*, 112, 115–117. (In Russian)
- Levchenko, T. V. (2015b). Ne stoit selo na pravednikakh [The Righteous Do not Keep the Village Functioning]. *Nashe nasledie*, 115, 108–114. (In Russian)
- Levchenko, T. V. (2015c). Neskol'ko slov k rasskazu F. Levina "Znakomstvo s Andronikovym" [A Few Words to the Story of F. Levin's "Acquaintance with Andronikov"]. In E. N. Sheluhina (Comp.), *Pritiazhenie Andronikova. Statii. Ocherki. Vospominania* [Andronikov's Attraction. Articles. Essays. Memories] (p. 31). Moscow: Centr gumanitarnih initsiativ, universitetskaya kniga. (In Russian)
- Levin, F. (1973). *Iz glubin pamiati* [From the Depths of Memory]. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russian)
- Malygina, N. (1989). "Progress chelovechnosti" (Zabytye retsenzii Andreia Platonova v zhurnalakh "Literaturnyi kritik" i "Literaturnoe obozreniye") [The Progress of Mankind (Forgotten Reviews of A. Platonov in the *Literaturnyi Kritik* and *Literaturnoye Obozreniye* Journals)]. *Russkaya literatura*, 1, 184–192. (In Russian)
- Malygina, N. (2001). Polveka bez Andreia Platonova [Half a Century without Andrey Platonov]. *Znamia*, 7, 236–239. (In Russian)
- Malygina, N. (2005). *Andrei Platonov: poetika vozvrashcheniia* [Andrey Platonov: Poetics of Return]. Moscow: Teis. (In Russian)
- Malygina, N. (2015). "Smert' syna otkryla mne glaza..." [The Death of My Son Opened My Eyes]. *Nashe nasledie*, 113, 70–73. (In Russian)
- Platonov, A. (2001). Anna Akhmatova. In S. A. Kovalenko (Ed.), *Anna Akhmatova: pro et contra: antologiya* (pp. 733–738). St Petersburg: Izd-vo RKhGI. (In Russian)
- Platonov, A. (2011). *Fabrika literatury: Literaturnaya kritika, publitsistika* [Literature Factory: Literary Criticism, Journalistic Writings]. Moscow: Vremya. (In Russian)
- Rogovin, V. Z. (1994). *Stalinskii neonep* [Stalin's Neonep]. Moscow: [s. n.]. (In Russian)
- Sarnov, B. (2010). *Stalin i pisateli, kniga tret'ya* [Stalin and Writers. Book Three]. Moscow: Eksmo. (In Russian)
- Segal, D. (2011). *Puti i vekhi. Russkoe literaturovedenie v dvadtsatom veke* [Ways and Stages. Russian Literary Criticism in the Twentieth Century]. Moscow: Vodolei. (In Russian)
- Shiporovich, B. (1985). *Izdatel'stvo "Sovetskii pisatel", Bibliografiia 1934–1984* [The *Sovetsky Pisatel* Publishing House. Bibliography of 1934–1984]. Moscow: Sovetskii pisatel. (In Russian)

Struve, N. (Publ.). (1975). Neizdannoe pismo A. Ahmatovoi O. Mandelshtamu [A. Ahmatova's Unpublished Letter to O. Mandelstam]. *Vestnik Russkogo Hristianskogo Dvizhenia*, 116, 186. (In Russian)

Svirsky, G. (1998). *Na lobnom meste. Literatura nraavstvennogo soprotivleniia 1946–1976 gg.* [In the Place of Execution. Literature of Moral Protest, 1946–1976]. Moscow: KRUK. (In Russian)

Timenchik, R. (2015). *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 1960-e gody* [The Last Poet. Anna Akhmatova in the 1960s] (Vols. 1–2) (Vol. 2). Jerusalem; Moscow: Gescharim. Mosty kul'tury. (In Russian)

Zinovyev, A. (2002). *Ruskaia tragediia. Gibel' utopii* [Russian Tragedy. The Death of a Utopia]. Moscow: Algoritm. (In Russian)

Received 16 October 2016